

А.П. Извольский

Воспоминания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.П. Извольский**
Воспоминания / А.П. Извольский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 190 с.

ISBN 978-5-458-09620-1

Воспоминания Извольского Александра Петровича (1856-1919) - российского государственного деятеля и дипломата.

ISBN 978-5-458-09620-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

перед европейцами, для которых, повидимому, и написана книга, благодарным верноподанным, Извольский старается всеми силами ретушировать портрет Николая II, который и в его воображении оказывается довольно мало привлекательным. И в своем усердии он доходит до того, что приписывает Николаю II никогда им не произнесенные слова о том, что он будет править Россией «на основах конституции». И не только приписывает эти слова Николаю II, который, как известно, до самой февральской революции слышать ничего не хотел ни о каких конституциях, а уверяет, что слова эти произвели на членов первой Государственной Думы, которым они будто бы были сказаны, отличное впечатление. В действительности, в речи, обращенной к членам первой Государственной Думы, которую Извольский цитирует в очень «вольном» переводе, говорилось буквально следующее:

«С пламенной верой в светлое будущее России, я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых я повелею возлюбленным моим подданным выбрать от себя. Трудная и сложная работа предстоит вам... Я же буду охранять непоколебимыми установления, мною дарованные, с твердою уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение отечеству для выяснения нужд столь близкого моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития его благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благосостояния государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права».

Слова «порядок на основе права» Извольский заменяет словами «на основах конституции»,—и фраза, имевшая целью указать на необходимость соблюдения порядка, противопоставляемого свободе, превратилась в либеральную конституционную фразу, в устах монарха, всю жизнь считавшего всякие конституционные популозновения «бессмысленными мечтаниями». Так пишется история бывшими царскими сановниками для либеральной Европы!

В совершенно извращенном виде излагает Извольский и историю переговоров Витте и Столыпина об образовании «конституционного министерства». Если верить Извольскому, переговоры эти не удались только потому, что и мирнообновленцы, и октябристы, и кадеты оказались слишком требовательными и не соглашались ни на какие уступки. Отказ «общественных деятелей» войти в состав правительства поставил последнее, по уверению нашего мемуариста, перед необходимостью ориентироваться «в сторону

реакции». Не будь этого отказа, не было бы и реакции! Эту версию старается, как известно, внушить читателю и граф Витте в своих «Воспоминаниях». Но это не мешает этой версии быть глубоко неверной. Из воспоминаний П. Н. Милюкова, вышедших в Париже в прошлом году («Три попытки») Париж 1922 г., и—главное,—из «Воспоминаний и дум о пережитом» Д. Н. Шипова мы знаем, что неудача образования конституционного кабинета объясняется совсем не твердокаменностью наших либералов, а тем, что, ведя переговоры с так называемыми общественными деятелями, Витте явно лицемерил и вел двойную игру, привлекая одновременно в свой кабинет и общественных деятелей, и П. Н. Дурново, против кандидатуры которого, как хорошо было известно Витте, привлекаемые им общественные деятели возражали самым решительным образом. Даже очень осторожный в выражениях Д. Н. Шипов вынужден признать, что во время совещаний с общественными деятелями у графа Витте обнаружилось полное «отсутствие искренности и прямоты» и «очевидная неспособность освободиться от усвоенных, им привычек и приемов бюрократического строя». Утверждение Извольского о том, что Витте вынужден был привлечь П. Н. Дурново, «в виду отсутствия поддержки со стороны либералов», категорически опровергается Д. Н. Шиповым, который подробно рассказывает в своей книге о ходе переговоров с общественными деятелями. Кандидатуру П. Н. Дурново Витте усиленно навязывал приглашенным им общественным деятелям с самого начала переговоров, хотя ему пришлось выслушать из уст Д. Н. Шипова и А. П. Гучкова «существенные возражения против кандидатуры П. Н. Дурново», относившиеся «не только к политической его физиономии, но и к облику его моральной личности». Только тогда, когда Рачковский сообщил Витте, что «в распоряжении многих редакций имеется различный материал из прошлой деятельности П. Н. Дурново, разоблачающий его личность, и что в случае его назначения материал этот будет немедленно опубликован, не исключая и известной резолюции императора Александра III «убрать этого мерзавца в 24 часа»,—Витте несколько задумался. Но колебания его длились недолго, и, после нескольких минут разговора, Витте все же заявил общественным деятелям, что Дурново назначить необходимо, «а относительно угроз редакций могут быть приняты меры». Таким образом, вопреки утверждению Извольского, Витте предпочел отказаться лучше от общественных деятелей, чем от Дурново. И это вполне естественно, потому что привлечение

общественных деятелей грозило потерей министерского поста самому Витте, а этого, по свидетельству Извольского, он больше всего боялся.

Вторая попытка привлечения общественных деятелей в состав правительства, сделанная уже П. А. Столыпиным, не удалась также не вследствие «партийной тирании кадетов», а опять-таки потому, что ни Столыпин, ни, в особенности, царь, с ведома которого велись переговоры с кадетами, никогда серьезно не думали об образовании конституционного кабинета. Что касается третьей попытки привлечения кадетов в состав правительства, предпринятой по инициативе Трепова, то сам Извольский свидетельствует, что попытка эта имела явно провокационный характер, и что Трепов стремился дать кадетскому правительству возможность обанкротиться, чтобы затем «создать диктатуру, во главе которой стал бы сам».

Наконец, совершенно не соответствует действительности, что в октябрьские дни 1905 года «либеральные идеи одно время имели успех при дворе, но постепенно реакционная партия возобновила свое прежнее влияние на Николая II». Из официальной записки Н. П. Вуича и князя Н. Д. Оболенского, составленной по уполномочию Витте, а также из воспоминаний кн. Орлова и других близких к двору участников событий 1905 года, мы знаем, что «либеральные идеи» никогда не вдохновляли Николая II и что самый манифест 17 октября он решился подписать, после долгих колебаний, только потому, что тогдашний командующий войсками петроградского военного округа Николай Николаевич заявил, что в его распоряжении нет достаточного количества войск для подавления восстания, если бы оно вспыхнуло в Петрограде. Вообще легенду с неудачей «либеральных идей» Николая II, вследствие отказа наших либеральных партий идти на какие бы то ни было уступки, можно считать окончательно похороненной. В России не удалось образовать хотя бы самый скромный конституционный кабинет не потому, что кадеты или мирно-обновленцы были слишком принципиальны и твердо-каменны, а потому, что ни царь, ни поддерживавшее его реакционное дворянство не хотели поступиться самой скромной частичкой своих прерогатив в пользу хотя бы либеральной буржуазии. Поколебать твердыню самодержавия могла только победоносная революция, и никакие уверения либеральных историков и бывших царских сановников о том, что самодержцы сами были склонны к конституционным реформам,—

не говоря уже о реформах социальных, — не могут опровергнуть этого исторически установленного факта.

Беззаботный сплошь и рядом по части фактов А. П. Извольский обнаруживает нередко и большую путаницу в политических партиях, смешивая, например, партию мирного обновления, во главе которой стояли князь Г. Е. Львов и Д. Н. Шипов, с партией правого порядка, которую неудачно пытался организовать нынешний сменовеходец А. В. Бобринцев Пушкин.

Но, несмотря на все указанные недостатки, несмотря на пристрастие нашего автора ко всякого рода апологиям, начиная от апологии бывших царствующих особ и кончая апологией «поместного дворянства», своей родни и даже убийцы Павла I князя Яшвиля (родственника Извольского), — воспоминания бывшего министра иностранных дел во многих отношениях представляют большой интерес. О многом мы узнаем из воспоминаний Извольского впервые. Многие, нам уже известные, он дополняет новыми интересными подробностями.

Большой интерес представляет, например, подробный рассказ Извольского о секретном договоре в Биорке. Правда, уже из «Воспоминаний» Витте мы знали в общих чертах историю того, как Николай II, состоя в союзе с Францией, заключил тайный договор с Вильгельмом II, направленный против Франции. Извольский пытается доказать, что Николая II несправедливо обвинили «в тягчайшем преступлении — в измене своему союзнику Франции» и что, в действительности, договор в Биорке был направлен не против Франции, а против Англии. Но Извольский вынужден признать, что Николай II всегда рабски следовал советам Вильгельма и, плохо разбираясь в дипломатической игре своего кузена, был простой игрушкой в руках германского императора, соблазненного его титулом «адмирала Тихого океана», который очень льстил самолюбию Николая II. Подтверждает Извольский и то, что на конфликт с Японией толкнул Николая II Вильгельм, который считал, что Германия будет в выигрыше и в случае поражения России, — так как Россия выйдет из войны обессиленной, — и в случае победы России, — так как внимание России в этом последнем случае будет отвлечено на Восток. Вынужден признать Извольский, что согласие царя подписать секретный договор в Биорке было не только большой политической бестактностью, но и большой глупостью. И единственное, что он находит возможным сказать в оправдание царя, это — то, что он подписал этот величайшего значения политический акт потому, что был бессилён про-

тивостоять красноречию Вильгельма II во время завтрака, хотя — спешит прибавить Извольский — вина во время завтрака было выпито немного.

Чрезвычайно интересен также рассказ Извольского, основанный на несомненных документальных данных, об инциденте в Догер-Банк, едва не вызвавшем войны между Россией и Англией. Читатели, вероятно, помнят, что сущность этого инцидента состояла в том, что адмирал Рождественский, отправляясь со своей эскадрой на Дальний Восток, открыл стрельбу по английским рыболовам, ловившим рыбу в нейтральных водах, приняв рыбачьи шхуны за японскую эскадру. Когда адмиралу Рождественскому было сообщено из Петрограда, что он ошибся, злосчастный адмирал заявил, что у него имеются несомненные доказательства, что он расстреливал именно японскую эскадру, а не рыбачьи шхуны. Оказывается, что эти несомненные доказательства адмирал Рождественский получил от знаменитого провокатора Гартинга-Ландезена, на которого была возложена задача осведомлять Рождественского во время его плавания о местонахождении японской эскадры. Вера в показания этого провокатора была так сильна, что Рождественский верил Гартингу больше, чем даже русскому министерству иностранных дел, получившему возможность убедиться, что Рождественский ошибся, а Гартинг ввел Рождественского в заблуждение в надежде, повидимому, получить прибавку к своему провокаторскому жалованью за обнаружение неприятельских судов, там, где их не было.

Не мало интересного сообщает Извольский о секретных совещаниях Милюкова, секретных даже для его собственной партии — со Столыпиным, во время которых обсуждался вопрос об образовании кабинета в составе С. А. Муромцева, А. А. Муханова, кн. Г. Е. Львова, Д. Н. Шицова, П. Н. Милюкова и П. А. Столыпина. В книге Извольского приводится — кажется, впервые — и докладная записка царю, составленная Н. Н. Львовым и поданная А. П. Извольским, о необходимости конституционных реформ. Если верить Извольскому, записка эта произвела на царя большое впечатление, что не помешало ему продолжать править страной, «как при батюшке».

В воспоминаниях Извольского о Витте любопытно разоблачение, как Витте при помощи «золотого ключа» открывал «двери известных салонов в Петербурге».

Много интересного рассказывает наконец, Извольский о знаменитом государственном контролере П. К. Шванебахе. Изволь-

ский не только подтверждает сообщения о сношениях Шванебаха с австрийским послом в Петрограде, но сообщает, что после каждого заседания совета министров Шванебах немедленно посещал австрийского посла и подробно информировал его о том, о чем шла речь в секретных заседаниях совета министров, а посол сейчас же передавал об этом в Вену австрийскому министерству иностранных дел. Это не мешало Шванебаху слыть истинно-русским человеком, быть одним из столпов реакции и пользоваться благосклонностью Николая II. Вообще, при всем стремлении бывшего министра иностранных дел набросить на наше «недавнее доброе прошлое» легкий флер розового либерализма, книга его дает не мало материала—помимо воли автора—для усвоения истинной сущности этого доброго старого времени, безвозвратно канувшего в Лету. И хотя книга Извольского не даст всего того, что она могла бы дать, она дает достаточно много для того, чтобы стоило ознакомиться с нею и русских читателей.

Л. Нежданов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Политическое положение России (1905—1906 г.г.).

Мое назначение на пост министра иностранных дел состоялось в мае 1906 года и совпало с открытием сессии первой Государственной Думы.

Я был *diplomate de carrière*, и со времени поступления на государственную службу посвятил себя исключительно вопросам внешней политики. Но в октябре предшествующего года известные события вынудили меня принять активное участие во внутренних делах России, что не осталось без влияния на решение императора Николая, поручить мне управление министерством иностранных дел.

События, о которых я упоминаю, относятся к следующему.

Я был в то время посланником в Копенгагене, будучи переведенным на этот пост из Токио в 1903 году, за год до начала русско-японской войны. Этот пост рассматривался в дипломатическом мире, как весьма желанный, вследствие близости в отношениях между датской королевской фамилией и многими европейскими дворами, а также долгих и частых посещений, которые были в обычае у царя и у короля Англии по отношению к Копенгагену. Германский император также любил там появляться неожиданно и, как понятное последствие пребывания правителей Европы, столица Дании являлась в то время центром дипломатической деятельности, предоставляя иностранным представителям исключительно удобный случай иметь наиболее полную осведомленность. Двое из моих предшественников — барон Моренгейм и граф Бенкендорф — получили назначение после

Копенгагена в первоклассные посольства; третий, граф Муравьев, человек весьма средних способностей, заслужив личное расположение императора Николая, покинул Копенгаген, чтобы получить пост министра иностранных дел.

После смерти императора Александра III и королевы Луизы, которая получила наименование «тещи Европы», Копенгаген утратил несколько свою значительность, но тем не менее он оставался хорошим пунктом для наблюдений, и время от времени, хотя и с менее частыми промежутками, посещения то одного, то другого королевского родственника сообщали этому городу значительность былых дней. Как видно будет дальше из чтения этих мемуаров, я получил возможность в один из визитов короля Эдуарда, после долгих беседований с ним, подготовить базу для соглашения, заключенного в 1907 году между Россией и Англией, которое оказало столь большое влияние на последующие события в Европе.

Лично, однако, я имел основания рассматривать свое назначение в Копенгаген, как проявление известной немилости, потому что в то время, когда я находился в Токио, я являлся решительным противником той «твердой» политики, которая была принята Россией по отношению к Японии и инспирировалась безответственной камарильей, имевшей большое влияние на императора.

Не исчерпывая до конца объяснения тех событий, которые вызвали русско-японскую войну, достаточно сказать, что в качестве представителя России в Токио я настойчиво рекомендовал принять примирительную позицию по отношению к Японии и заключить соглашение с этой страной по вопросам, касающимся Манчжурии и Кореи. Мои усилия в этом направлении имели своим последствием посылку в Европу такого достойного государственного деятеля, как маркиз Ито, в целях создать возможность сближения между Россией и Японией. Эта миссия, если бы она увенчалась успехом, была бы способна изменить весь ход событий и исключила бы возможность войны, но холодный прием, оказанный японским представителям в Петербурге, и медленные ответы, которые давались им русским правительством, к несчастью, определили полный неуспех этого предприятия. Дальновидный представитель Японии в Лондоне считал необходимым поспешить с заключением англо-японского союза.

Уверенный в то время, что политика, принятая императором под влиянием Безобразова, адмирала Абазы и Алексеева, неизбежно должна привести к войне, и не желая быть простой игрушкой в этом деле, я попросил разрешения вернуться в Европу. По моем прибытии в Петербург, я был очень холодно принят императором, и советы, которые я пытался давать относительно дальне-восточных дел и в частности относительно наших взаимоотношений с Японией, систематически игнорировались. Было еще и другое основание для столь холодного приема. Я пользовался при дворе в Царском Селе репутацией «либерала», сочувственно относящегося к движению, которое успело уже проявить себя в то время в направлении необходимости конституционных реформ в России. Это, конечно, не могло предрасположить в мою пользу царя и еще меньше царицу, которая уже тогда проявляла реакционные тенденции. Хотя в то время она не успела еще приобрести того влияния, которое явилось столь доминирующим в последние дни существования монархии, однако, несомненно ее предубеждение являлось причиной лишения меня доверия императора. В виду этих обстоятельств казалось, что имелось очень мало шансов для меня получить дипломатическое назначение большей или меньшей важности; но с другой стороны вдовствующая императрица, дочь короля Христиана IX, относилась ко мне с большой благожелательностью. Это в значительной мере обуславливалось дружеским расположением, которое она питала к моей жене, выросшей, так сказать, на ее глазах (моя жена была дочерью графа Карла Толя, сына знаменитого генерала, носившего ту же фамилию и бывшего в течение многих лет русским посланником в Копенгагене). Царь, из чувства почтения к своей матери, никогда не назначал посланников в Копенгаген, не посоветовавшись сначала с ней. Таким образом случилось то, что, в соответствии с ее желанием, я получил назначение, очень почетное, несомненно, но назначение, не имевшее при обстоятельствах того времени никакого политического значения.

Время шло, и несчастные события русско-японской войны постепенно рассеивали иллюзии императора, заставляя его склоняться к признанию правильности моих предсказаний и к желанию предоставить мне более активную роль. К концу войны он решился выполнить свое намерение назначить меня

посланником в Берлин на пост, который оказался вакантным, ввиду ухода престарелого графа Остен-Сакена. Еще раньше я был осведомлен, что император предполагал использовать мои специальные познания в японских делах, которые я приобрел во время моего пребывания на Востоке. Как результат посредничества президента Рузвельта, переговоры о заключении мира в Портсмуте были почти предрешены, и император долгое время колебался в выборе полномочного представителя. Сначала этот пост был предложен посланнику в Париже Нелидову, затем посланнику в Риме Муравьеву. Оба ответили отказом; первый ссылаясь на свою неосведомленность в делах Дальнего Востока, второй—на плохое состояние своего здоровья.

Казалось, что благодаря этим отказам император остановит свой выбор на мне и что я в сорок восемь часов буду назначен главой делегации, которая должна была быть направлена в Америку. Но моя кандидатура встретила сильную оппозицию со стороны министра иностранных дел графа Ламсдорфа, защищавшего назначение Витте, с которым он был тесно связан, не только лично, но и политически.

В то время кандидатура Витте была особенно нежелательна для императора, который относился недоброжелательно к этому выдающемуся государственному деятелю и не вполне доверял ему даже тогда, когда ему был поручен весьма ответственный пост в империи в прошлом. Что касается меня, я совершенно уклонился от вопросов, которые являлись важными для того времени; с начала войны я принял себе за правило не касаться в моих официальных сообщениях дел, которые были в стороне от моего специального поручения, и воздерживаться от предложения каких бы то ни было советов, касающихся того трудного положения, в котором оказалось правительство. Тем не менее я был настолько убежден в величайшей важности личного влияния нашего представителя, которое могло иметь решающее значение в вопросе успеха или неудачи мирных переговоров, что решил нарушить мое молчание и написал письмо графу Ламсдорфу, в котором выразил мое глубокое убеждение со всей энергией, на какую только я был способен, что единственным человеком в России, который успешно выполнил бы столь сложное дело, является Витте. Мое убеждение основывалось на знании того исключительно престижа, который